

извлекая прагматическую пользу из своей деятельности. Естественно, если наука ограничивает себя своей дистанцированностью, предметной противопоставленностью (М. Хайдеггер), этической нейтральностью, она ограничивает тем самым и свою ответственность. И в этом кроются истоки цинизма. В обществе формируются различные образы ученого: от безобидного чудака до гения и циничного злодея. Власть тоталитарная цинично создает образ науки, который вытекает из ее стратегии «поиска врага», «разделяй и властвуй», противопоставляя, во-первых, ученых друг другу (будь-то по национальному признаку «арийская наука» или по социально-классовому «пролетарская наука») в зависимости от господствующей идеологии и политического режима, а во-вторых, науку и общество.

Второй вид цинизма в науке (назовем его бунтарским) выступает в форме дерзости, критической иронии, когда вдруг прозвучит фраза «король -то голый». Он направлен против научных догм, наукообразности, псевдонаучности, научного чванства, научных авторитетов и непреложных истин, одним словом, против того, что считалось святой святых в данном научном сообществе и в обществе в целом. Он сопутствует научным открытиям, которые нарушают устоявшиеся принципы, переворачивают научную картину мира и мировоззрение. Когда наука вступает в конфликт с ценностями своей эпохи ее обвиняют в цинизме. Идет ли речь о новых методах или предметах исследования, которые ранее были табуированы в обществе и науке. Так, первые исследования анатомии человека в медицине выглядели кощунственно цинично и внутри самой науки и вне ее. Также как и дарвинизм с его идеей происхождения человека. Современные биотехнологии проходят через горнило социальной критики и экспертизы. Вначале наука вступала в конфликт с религиозными ценностями, с церковью и ее цинизмами. Но в дальнейшем взаимодействие науки с другими сферами жизнедеятельности (техникой, политикой, бизнесом), обладающими своими ценностями и цинизмами порождает взаимоусиление последних и их конвергенции. Взаимодействие науки с другими сферами, столкновение их принципов и ценностей приводит к появлению или точнее сказать проявлению научного цинизма. При этом надо иметь в виду исторический характер самих критериев и норм научности, определяющих формы цинизма.

Литература:

1. Слотердайт П. Критика цинического разума /Пер. с нем. А.В. Перцева.- Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. 584 с.

К специфике эпистемологического дискурса в политарном обществе: дуализм земного и небесного против магического детерминизма

Васечко В.Ю.

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация: Рассмотрены особенности научно-когнитивной деятельности в политарном (традиционном, восточном) обществе. Главное внимание сосредоточено на взаимоотношениях ученых с политарной верхушкой (в социальном плане) и на противоположности принципов дуализма «земное-небесное» и магического детерминизма (в плане мировоззренческом). Правящая верхушка вслед за жреческой и иерократической элитой принимает в качестве догмы идею жесткой взаимосвязи высшего и низшего миров: любое необъяснимое, экстраординарное явление, будь оно на земле или на небе, есть знак свыше, послание Бога (богов) правителю на предмет того, что его действия по управлению страной почему-то неуютны сверхъестественным силам. Напротив, беспристрастный эпистемологический дискурс демонстрирует отсутствие прямой и контролируемой людьми корреляции между Землей и Космосом. Тем самым открывается путь к формированию более адекватной, научно и рационально фундированной картины мира.

Ключевые слова: политаризм, эпистемологический дискурс, дуализм земного и небесного, магический детерминизм, астрология, Бируни

To the specifics of epistemological discourse in a politary society: dualism of the earth and the celestial against magical determinism.
Vasechko V.Y.

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The peculiarities of scientific and cognitive activity in a politary (traditional, eastern) society are considered. The main focus is on the relationship between scientists and the politary top (in social terms) and on the opposite of the principles of dualism “earthly-heavenly” and magical determinism (in terms of ideological). The ruling elite, following the priestly and hierocratic elite, accepts as dogma the idea of a rigid interconnection of the higher and lower worlds. Any inexplicable, extraordinary phenomenon, whether it is on earth or in heaven, is a sign from above, a message of God (gods) to the ruler on the subject that his actions to rule the country for some reason are undesirable to supernatural forces. On the contrary, impartial epistemological discourse demonstrates the absence of direct and human-controlled correlation between the Earth and Cosmos. This opens the way to the formation of a more adequate, scientifically proved picture of the world.

Keywords: politarism, epistemological discourse, dualism of the earth and celestial, magical determinism, astrology, al-Biruni

Ситуация, в которой находится ученый в обществе, которое мы вслед за Ю.И. Семеновым [1, с. 52-58], называем *политарным* и которое известно также как «восточная деспотия», «традиционное» или, например, «олимпийский тип культуры» (М.К. Петров) [2, с. 26-43], достаточно сложна и противоречива. С одной стороны, близость ко двору, статус особы, приближенной к правителю, предоставляет исследователю широкие возможности в плане доступа к эксклюзивной литературе и технике, проведения масштабных и дорогостоящих изысканий типа высокоточных астрономических наблюдений или измерения градуса дуги земного меридиана (осуществленного в 827 году багдадскими учеными по приказу и при финансовой поддержке халифа аль-Мамуна). С другой стороны, статус придворного налагает на индивида обязанности, трудно совместимые с эпистемологическим поиском, т. е. открытием истин относительно устройства и функционирования Природы, Космоса, Универсума, заставляя исследователя считаться с интересами, вкусами, причудами и предрассудками первого лица в

государстве и политарной элиты, в массе своей безразличной к тому, что представляет собой ценность для науки.

Одним из пунктов, где противостояние данных социальных трендов (поиск объективной Истины – обеспечение и удовлетворение чисто материальных, эмпирических, конъюнктурных запросов) достигает высокой степени напряжения, оказывается проблема взаимосвязи земных и небесных феноменов и, шире, взаимосвязи земного и небесного мира в целом. Нельзя сказать, что правитель-политарх не хочет ничего знать о движении небесных светил или о необычных явлениях и событиях, имеющих место на земле. Как правило, и то, и другое его достаточно сильно волнует, хотя и во вполне определенном контексте. Во всяком экстраординарном феномене он усматривает нечто значимое для судьбы вверенной его попечению державы и, конечно, для судьбы его личной. Одна из инструкций инспекторам, направляемым императорами династии Хань (II век) в провинцию, требует от проверяющих выяснить: «Справедливо ли они [областные правители. – В.В.] вершат суд, не притесняют ли народ и ненавистны ли они людям настолько, что рушатся горы, рассыпаются скалы, наблюдаются необычные явления и распространяются крамольные слухи» [3, с. 16]. Китайские правители весьма серьезно и настороженно относятся к природным знамениям, якобы свидетельствующим об упадке «естественной силы» династии (типа необычно суровой зимы, странных сполохов в небе, выпадения града и сильных дождей, падения метеоритов, разрушения ворот Столичной школы или внезапного просветления всегда мутных вод Хуанхэ [4, с. 206]). Ассирийский царь Асархаддон, опасаясь внезапного солнечного или лунного затмения как неблагоприятного знака богов, заставляет своего придворного звездочета Баласи проводить все новые наблюдения и вычисления, не полагаясь на заверения ученого в том, что в ближайшее время ничего подобного не предвидится [5, с. 98-99].

Множество аналогичных действий политархов свидетельствует, что мышление их находится в рамках парадигмы *магического детерминизма*, как бы лично (с пиететом или, наоборот, презрением и ненавистью) они ни относились к жреческому и священническому сословию: наблюдаемые визуально события, происходят они на небе или на земле, суть не просто естественные явления, но, прежде всего, знаки волеизъявления *сверхъестественных* существ – сонма языческих богов, единичного Бога в монотеизме (например, в исламе) либо просто Неба – высшей мировой инстанции в официальной китайской религии. Разумеется, это процесс двусторонний: высшие силы не просто дают понять самодержцу, что в его поведении или действиях его приближенных что-то не так, но и предполагают некоторую ответную реакцию с его стороны. Какую именно – это зависит от принятых в данной культуре представлений о формах контактов между богами и их уполномоченными на земле («тень Аллаха на земле» – один из титулов мусульманских политархов – султанов, шахов, ханов и т.п.). Так, китайские императоры совещались со своими покровителями в специально построенных в столице храмах Земли и Неба, непосредственно там получая инструкции относительно корректирования управления страной [6, с. 25]. В любом случае перед нами твердое догматическое убеждение в неразрывной, жесткой корреляции между земной и небесной сферами. В тех же случаях, когда ритуальные, магические и иные акты, направленные снизу вверх, оказываются явно безуспешными (например, династия погибла, а страна развалилась, несмотря на все старания политарха), это никак не опровергает самого принципа строгой координации между низшим и высшим мирами. Новые правители и новое поколение прикормленных властью интеллектуалов объясняют это тем, что просто сами эти акты были запоздалыми, недостаточными или не соответствующими неким требуемым шаблонам. Вера в прямую, абсолютную взаимосвязь двух миров остается непоколебленной.

С этой точки зрения *принцип дуализма земных и небесных процессов*, наиболее последовательно эксплицированный в древней науке Аристотелем и отвергнутый позднее наукой Нового времени, оказывается вполне рациональным и методологически оправданным. Скепсис относительно того, будто существует жесткая детерминация между «горним» и «дольним» и потому, мол, в каждом астрономическом или метеорологическом явлении нужно искать нечто потаенное, значимое для обитателей подлунного мира, от венценосцев до последних рабов и нищих, – это совершенно правильная в условиях политарного строя научная установка, задающая должное направление для эпистемологического поиска. Внимательный и скрупулезный анализ фактуальной информации, если последняя богата, разнообразна и, стало быть, репрезентативна, рано или поздно неизбежно подводит беспристрастного ученого к выводу о том, что нет достаточных оснований для веры в неразрывную связь между тем, что происходит внизу и вверх: действия людей, независимо от их земного ранга, отнюдь не вызывают нарушений в обычном движении небесных светил, а аномальное небесное событие типа появления

кометы или сверхновой звезды совсем не обязательно означает, что данного царя и всю подвластную ему страну ждут скорые неприятности.

Однако в условиях, где вера в магию вообще и в магию астрономо-астрологическую в частности, разделяется не только темными массами, но и правящей элитой, ученому следует действовать максимально сдержанно и осторожно, причем не только по логическим соображениям (недоказанность закономерности еще не означает ее несуществования), но и по социально-конъюнктурным. Поскольку открытая критика господствующих воззрений наверняка будет расценена как покушение на самые святыне и незыблемые устои, постольку ученому приходится находить уместные и сравнительно безопасные для себя способы выражения собственной позиции. Так, Бируни, будучи при дворе суеверного правителя типа Махмуда Газневи, серьезно полагающегося на астрологические прогнозы, конечно, не может прямо заявить в лицо политарху, что всем этим предсказаниям грош цена. Но в своих научных трактатах он позволяет себе высказываться более откровенно (хотя и здесь ему, конечно, приходится сдерживать себя). В «Индии» он ссылается на 1) мнение тамошних ученых, утверждающих, что в кризисные периоды, когда «исчезнет справедливость», а «цари не будут знать ничего, кроме тирании и угнетения, захвата и разрушения», «большинство предсказаний по звездам будет ... бесполезным и ложным» [7, с.333]; 2) на книгу основателя манихейства пророка Мани, который отрицательно характеризовал современных ему астрологов, полагая, что «... прорицатели уже не могут знать о круговращении звезд столько, сколько знали их отцы. Они лишь вводят людей в заблуждение, обманывая и пользуясь теми случаями, когда их предсказания оправдываются, хотя часто этого не происходит» [7, с. 333]. В «Геодезии» ученый еще более последователен, распространяя свою оценку астрологии не только на прошлых или принадлежащих к иной конфессии предсказателей, но и на современников и единоверцев, вводящих своими квазинаучными расчетами в заблуждение себя и других: «...Искусство предсказаний вообще имеет слабые основы, как слабы и исходящие из них производные положения. Измерения, [производимые] в нем, – сумбуры и предположения преобладают над достоверным знанием» [8, с. 260]. А ценность гороскопов – не выше, чем ценность любого другого вида гадания.

Таким образом, опровергнутый наукой Нового времени принцип дуализма земного и небесного, предполагающий субстанциальную разнородность этих сфер мироздания и несоизмеримость управляющих ими законов, следует рассматривать конкретно-исторически. В условиях, когда доминировала магическая парадигма, неправомерно и жестко привязывавшая друг к другу космические и земные феномены, настойчивая логическая аргументация, подчеркивавшая отсутствие бесспорных свидетельств указанной связи, пусть медленно и постепенно, но зато твердо и неотвратимо прокладывала дорогу к формированию адекватной, истинной научной картины мира.

Литература:

1. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: УРСС, 2011. 376 с.
2. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 272 с.
3. Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Гл. ред. вост. лит. «Наука», 1983. 224 с.
4. Малявин В.В. Империя ученых. М.: Европа, 2007. 384 с.
5. Ван дер Варден Б.Р. Пробуждающаяся наука (II). Рождение астрономии. М.: Наука, 1991. 416 с.
6. Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин // Общество и государство в Китае. 2012. Т.42. №1. С.15-38.
7. Бируни. Индия. М.: Ладомир, 1995. 728 с.
8. Бируни. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия] // Избранные произведения. Т. III. Ташкент: Фан, 1966. 364 с.